

*Попов С. Г.* Ректор Московской Духовной Академии протоиерей Александр Васильевич Горский: (Опыт биографического очерка) // Богословский вестник 1896. Т. 4. № 11. С. 216–242 (3-я пагин.). (Продолжение.)

**Ректоръ Московской Духовной Академіи**  
**ПРОТОІЕРЕЙ**  
**АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.**  
(Опытъ біографическаго очерка) <sup>1)</sup>.

Съ 1862-го года А. В—чь сталъ ректоромъ Академіи. Въ служебныхъ отношеніяхъ часто бываетъ такъ: отличать по службѣ человѣка, произведутъ его изъ одного чина въ другой повыше, онъ сейчасъ и дастъ это чувствовать своимъ прежнимъ сослуживцамъ: другое обращеніе, другой и разговоръ пойдетъ у него съ ними, — начальнической, тономъ выше. Съ А. В—чемъ этого не случилось. Кто служилъ съ нимъ и раньше, говорятъ, что онъ, и послѣ того, какъ сталъ ректоромъ, нисколько не измѣнился въ отношеніяхъ къ нимъ; больше того, — во многихъ случаяхъ онъ сталъ сдерживать себя, сдѣлался еще любезнѣе, ласковѣе. Бывали раньше такіе случаи: А. В—чь въ бесѣдѣ съ кѣмъ либо изъ профессоровъ пошутить надъ нимъ, посмѣется, а то, вѣдь—смортный человѣкъ, въ другой разъ и уколеть его. Теперь и этого онъ не позволялъ себѣ, даже если и заочно приходилось судить или говорить о комъ. Никакихъ выговоровъ, замѣчаній никто изъ профессоровъ, бывало, не слыхалъ отъ него. Если кто изъ подначальныхъ сильно провинится въ чемъ, онъ только поскорбитъ душой, повздыхаетъ наединѣ; въ крайнемъ случаѣ—скажетъ ему слово, и не самъ, а чрезъ другаго. Между служащими не всегда-то бываетъ миръ да ладъ. Случались такія прорухи и за профессорами Академіи; возникали,

---

<sup>1)</sup> См. Б. В. Сентябрь.

напр., между ними по тѣмъ или другимъ вопросамъ несогласія, образовывались изъ-за этого партіи и т. п. А. В.—чу неизбежно приходилось становиться на ту или другую сторону и держать ее. Онъ велъ себя при этомъ такъ достойно, прямо, что и противная сторона не могла сказать о немъ худаго слова. Замѣчательная вообще была у него выправка. Въ качествѣ иллюстраціи къ этой общей характеристикѣ отношеній А. В.—ча—ректора къ профессорамъ мы приведемъ, со словъ одного изъ нихъ, два примѣра того, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался съ ними А. В.—чъ. Въ 1870 году, когда по новому уставу въ академіи вводились новые предметы и учреждались соотвѣтствующія имъ кафедрны, тотъ, кто передавалъ этотъ фактъ (только что окончившій тогда въ академіи курсъ), заявилъ свою кандидатуру на одну изъ нихъ. Предъ пробными лекціями, которыя онъ долженъ былъ для этого сдать, онъ жилъ въ академіи и готовился къ нимъ. Приходилось ему по временамъ бывать и у ректора. Бывало, придетъ къ нему,—онъ благословитъ, скажетъ, что нужно, и ускользнетъ сейчасъ же въ свои внутренніе апартаменты, аудіенція тѣмъ, обыкновенно, и кончалась. Наконецъ, лекціи были успѣшно сданы, искатель академической кафедры занялъ ее. Въ тотъ же самый день ему надобно было отправиться на родину. Онъ пришелъ къ ректору заручиться его изволеніемъ на то, кстати и проститься съ нимъ. И что же—тутъ былъ ему другой пріемъ. Ректоръ не благословилъ его, какъ дѣлалъ прежде, а дружески пожалъ ему руку, назвалъ по имени и отчеству, чего прежде не дѣлалъ пригласилъ съ собою сѣсть и долго бесѣдовалъ съ нимъ.—Вотъ другой случай. Въ ректорство А. В.—ча одинъ изъ профессоровъ, въ Академіи уже послужившихъ, представилъ въ Совѣтъ свою докторскую диссертацию и просилъ дать дѣлу надлежащій ходъ. Диссертация была поручена на разсмотрѣніе тому самому лицу, которое объ этомъ рассказывало намъ. Въ научномъ отношеніи трудъ оказался незавиднымъ, и рецензентъ въ такомъ смыслѣ аттестовалъ его въ своемъ отзывѣ Совѣту. Ректоръ не захотѣлъ огорчать неудачей заслуженнаго профессора—автора уже составившаго себѣ извѣстность многими учеными трудами, и, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ, написалъ о его дис-

сертаціи свой отзывъ, вполне ему благопріятствующій. Долгое время А. В.—чу не приходилось встрѣчаться съ рецензентомъ. Но потомъ вотъ что произошло: разъ какъ-то на лекціяхъ, идетъ рецензентъ профессоръ корридоромъ въ профессорскую комнату, вдругъ изъ одной аудиторіи отворяется дверь и въ ней показывается ректоръ. Это было такъ неожиданно (потому что еще не было звонка) для профессора, что онъ даже не догадался и поклона сдѣлать ему. Ректоръ взволнованный идетъ въ свои покои и чрезъ нѣсколько времени вслѣдъ пригласить къ себѣ профессора. Тотъ приходитъ. Ректоръ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ толковать ему о томъ, что въ научныхъ вопросахъ люди могутъ не соглашаться между собою, спорить, расходиться, но это не должно портить ихъ личныхъ отношеній, — что, вотъ, въ немъ онъ замѣтилъ неприязнь къ себѣ. послѣ того, какъ написалъ онъ вышеупомянутый отзывъ, — что напрасно онъ гнѣвается на него и т. д. все въ томъ же духѣ. Профессоръ сначала долго не понималъ въ чемъ дѣло; а потомъ когда узналъ, объяснилъ свой поступокъ и успокоилъ встревожившагося ректора. — Оба эти случая характерны для А. В.—ча и какъ нельзя болѣе выражаютъ его взглядъ на профессоровъ и отношенія его къ нимъ. Профессора въ его представленіи — особый въ академіи маленькій мірокъ, у котораго своя жизнь, свои интересы. Вступить въ него и сдѣлаться его полноправнымъ членомъ можно только однимъ путемъ, — путемъ, какимъ достигается профессорство; разъ человѣкъ сталъ профессоромъ, хотя бы прямо со школьной скамьи, онъ принимается въ немъ уже какъ свой, ему подается рука братскаго общенія. А самый кругъ профессоровъ, выдѣляясь и возвышаясь надъ всѣми какъ ученая коллегія, долженъ представлять изъ себя въ полномъ смыслѣ „коллегію“ — дружество, общину, тѣсно сплоченную узами нравственнаго единенія. Такъ высокъ былъ идеаль А. В.—ча и за то такъ дѣятельно къ нему онъ стремился.

Въ отношеніи къ студентамъ А. В.—чъ былъ рѣдкій, а въ нашей Академіи еще не встрѣчавшійся, человѣкъ. Намъ приходилось спрашивать о немъ одного изъ бывшихъ его учениковъ, и тотъ отзывался о немъ съ величайшей похвалой. Вотъ что рассказываетъ онъ. Мнѣ памятенъ А. В.—чъ прежде всего, какъ бібліотекаръ, потому что съ нимъ пре-

жде всего и сталкивались мы, поступая въ Академію.— Радужно насъ Академія приняла къ себѣ; не успѣли мы и оглядѣться въ ней, намъ дали уже и темы для семестровыхъ сочиненій. Что тутъ дѣлать?—Идти въ библіотеку,—мы и хода-то туда почти не знали; а придешь,—все тоже не легче: ни каталоговъ, ни указателей, ничего этого въ ней при насъ не существовало; а набирать источники и пособія по памяти, при скудости выписанныхъ нами изъ семинаріи знаній, нечего было и думать. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ совсѣмъ бы и руки спустилъ, если бы на помощь не явился нашъ добрый библіотекаръ—А. В.—чѣ. Онъ во всемъ былъ свѣдущъ, а библіотеку и каждую въ ней книгу зналъ какъ свои пять пальцевъ. Онъ обыкновенно, и выручалъ насъ изъ критическаго положенія: бывало, укажетъ почти всю литературу по твоему вопросу, да еще и книгъ надастъ. Дома просмотришь ихъ, и пишешь сочиненіе на назначенную тему. Библіотекаръ нашъ всегда былъ такъ добръ къ студентамъ. Бывали, напр., такіе случаи. Придетъ студентъ въ библіотеку и требуетъ себѣ для сочиненія книгу. Библіотекаръ освѣдомится на счетъ темы, да и начнетъ иной разъ подсмѣиваться надъ нимъ: да знаете ли вы эту книгу, да что вы хотите найти въ ней, да этого ли касается ваша тема,—и все въ такомъ родѣ; наконецъ и скажетъ совершенно серьезно: въ требуемой вами книгѣ того нѣтъ, чего вы ищите; а въ этихъ вотъ есть,—и начнетъ ихъ пересчитывать одна за другой. Послѣ студентъ убѣдится, что, дѣйствительно, его книга не могла содержать въ себѣ того, что ему было нужно. Библіотека въ наше время не открывалась, какъ теперь, въ опредѣленные часы. Насъ студентовъ было немного: 80—90 человекъ, требованій на книги мы предъявляли, значить, тоже немного, да и то не каждый день: зачѣмъ же, поэтому было и сидѣть библіотекарю въ ней. Но случалось студенту надобилась какая-нибудь книга. Онъ смѣло шелъ къ библіотекарю въ его квартиру и объяснялъ свою нужду. Тотъ никогда не отказывалъ въ просьбѣ, пойдетъ въ библіотеку во всякое время и книгу дастъ; а то, если тамъ ее не было, дастъ свою; у него не мало и своихъ было. Безотвѣтный былъ библіотекаръ! На счетъ профессорства А. В.-ча этотъ же его ученикъ рассказывалъ

намъ; „мы ближе, говорилъ онъ, узнавали А. В—ча, когда намъ приходилось писать ему сочиненія. Дастъ, бывало, онъ намъ тему, мы и сидимъ надъ ней, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Пройдетъ половина срока, а у тебя не только написаннаго, а и подготовленнаго ничего нѣтъ. Возьмешь, наконецъ, по совѣту другихъ, да и отправишься къ самому А. В—чу и объяснишь чистосердечно ему въ чемъ дѣло: и задачи-то, собственно, я не понимаю, и матеріалу-то у меня на тему нѣтъ и т. д. и т. п. А. В—чь сейчасъ все растолкуетъ и укажетъ. Въ сочиненіяхъ нѣкоторые студенты приходили и не къ тѣмъ выводамъ, какія А. В—чь дѣлалъ самъ, а иногда—прямо противоположнымъ: А. В—чь допускалъ и это; онъ съ спокойною снисходительностію относился ко всякимъ рѣшеніямъ предложеннаго имъ вопроса, лишь бы они были достаточно обоснованы. На старшемъ отдѣленіи особенно доставалось тѣмъ, кто писалъ А. В—чу курсовое сочиненіе. Завалить онъ работой. А придетъ кто изъ такихъ кліентовъ къ нему за пособіями, онъ, вѣдь бывало, не дастъ ему всѣхъ книгъ сразу, а будетъ выдавать время отъ времени по одной, и начнетъ, при этомъ, съ такихъ, которыя только косвенно и какъ-нибудь отдаленно касаются его предмета, и лишь потомъ, когда увидитъ что студентъ читаетъ ихъ, интересуется вопросомъ, втягивается въ работу, онъ станетъ предлагать ему болѣе идущія къ дѣлу. Не всѣ изъ студентовъ до конца выносили такую пытку: нѣкоторые побываютъ у него разъ-другой, а потомъ, видя, что онъ даетъ все неподходящее имъ,—и перестанутъ обращаться къ нему. Разумѣется, сочиненія такихъ студентовъ рѣдко выходили хорошими. Но были и такіе студенты, у которыхъ хватало терпѣнія прочитывать все, что ни предлагалъ имъ А. В—чь. У нихъ, дѣйствительно, темы были разработаны полно и обстоятельно, и сочиненія многихъ изъ нихъ, благодаря указаніямъ и корректорской затѣмъ рукъ А. В—ча, увидѣли свѣтъ“.

Особенно полно раскрылись расположеніе и любовь А. В—ча къ студентамъ, когда онъ сдѣлался ректоромъ Академіи. Студенты сами охарактеризовали его отношеніе къ нимъ, когда одинъ изъ нихъ подъ фотографическою группою съ А. В—чемъ среди нея,—едва ли не первой по времени общей студенческой группою, снятой 15 мая

1870 года,—подписалъ слова пророка Исаи: „се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ“ (VIII, 18)<sup>1)</sup>. Отеческая попечительность и любовь А. В—ча къ студентамъ сказывались главнымъ образомъ въ его неустанныхъ заботахъ объ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи ихъ, какъ людей приготовляемыхъ къ высшему служенію въ Церкви, на которомъ они должны являть себя образцами истинныхъ христіанъ во всемъ величій гармонически развитыхъ духовныхъ ихъ силъ.

Само собою разумѣется,—для того, чтобы дѣйствовать въ качествѣ опекуна надъ студентами, надобно было знать ихъ. П А. В—чъ, дѣйствительно, зналъ каждого изъ нихъ съ перваго же дня прибытія въ Академію. Придетъ,—разсказываютъ,—поступающій въ Академію представляться о. ректору,—тотъ съ нимъ въ бесѣду: „Желаете ли вы поступить въ Академію?“ — конечно, для того пріѣхалъ. „А что вы тутъ будете дѣлать и надѣетесь получить?“ — подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ получить образованіе. — „А развѣ вы его не имѣете?“ — высшее. — „Какое-же это образованіе высшее?“ — высшій кругъ богословія, исторіи... — „Какое же именно знаніе вы ставите выше—богословское или историческое?“ — богословское. — „Почему же въ вашемъ аттестатѣ по Св. Писанію баллъ только очень хорошій, а по другимъ предметамъ лучше?“ — да такъ-съ... у насъ... такъ пришлось... Отвѣчающій чувствуетъ себя не свободно, замѣчаетъ, что надъ нимъ работаетъ тонкій анализъ. Однако кроткая улыбка о. ректора и перемежна вопросовъ снова выводитъ юношу изъ стѣсненія, и бесѣда продолжается. — „У васъ въ аттестатѣ весьма хорошіе баллы по древнимъ и по нѣсколькимъ новымъ языкамъ,—и къ чему вамъ языки, особенно, латынь?“ — это орудіе знанія. „И вы готовы имъ воспользоваться?“ — Да, если Богъ дастъ поступить въ Академію. „А развѣ въ Семинаріи вы не пользовались языками, особенно древними для пріобрѣтенія знанія?“ — Да, нѣсколько. — „Вы читали творенія Отцовъ Церкви и Св. Писаніе, напр., по гречески?“ — Нѣсколько... немного... — „Отчего же не-

<sup>1)</sup> Въ Душ. Чт. 91, III, „изъ студенчesk. дневника (Воспомин. объ А. В—чѣ Горскомъ‘), стр. 276.

много, если по вашему мнѣнію богословское образованіе есть высшее?“ — Употреблялъ время на чтеніе другихъ книгъ.— „А какія книги вамъ больше нравятся?“ — Произведенія отечественныхъ классиковъ, біографіи историческихъ дѣятелей...— „А не богословскаго содержанія? вѣдь оно по вашему мнѣнію выше, нежели историческое?“ и т. д. <sup>1)</sup>

Уже эти босѣды не мало помогали А. В.—чу узнать студента. А придетъ онъ на пріемный экзаменъ, тутъ онъ сразу увидитъ его. По своей наукѣ—Догматическому Богословію онъ не много предлагалъ вопросовъ, но въ отвѣтахъ умѣлъ видѣть многое, для другихъ сокровенное. Спрошенный едва начиналъ говорить по одному вопросу изъ догматическаго Богословія, какъ ректоръ начиналъ съ нимъ свой colloquium и діалектически переходилъ отъ одной науки къ другой, отъ догматическаго Богословія къ Св. Писанію, литургикѣ, исторіи философіи и пр., находя возможность къ такимъ переходамъ въ аналитическомъ разборѣ отвѣтовъ, данныхъ на его вопросы. Достанется, напр., студенту билетъ о Промыслѣ Божіемъ, изложить онъ по учебнику „опредѣленіе“ промысла,—ректоръ цѣлый рядъ ему вопросовъ:—вездѣ ли въ мірѣ очевидно дѣйствіе промысла Божія? Нѣтъ ли основанія признать противное въ ученіи Дарвина о происхожденіи видовъ? гдѣ по преимуществу видно промышленіе Божіе? въ какомъ именно обществѣ людей? кѣмъ поддерживается порядокъ въ церкви земной? какъ дѣлится іерархія? степень діаконская можетъ ли быть признана самостоятельною, если священникъ можетъ служить и безъ діакона? что знаменуетъ еиміамъ, воскуряемый діакономъ? гдѣ и что говорится въ Апокалипсисѣ о дымѣ кадильномъ? кто въ Апокалипсисѣ разумѣется подъ „Ангеломъ церкви?“ Судьбы церкви, открытыя въ Апокалипсисѣ, можно ли поставить въ зависимость отъ Промысла Божія и частію указать въ церковной исторіи? Какое имѣли значеніе для церкви гоненія со стороны язычниковъ? и т. д. <sup>2)</sup> въ такомъ родѣ. Тутъ отъ ректора

<sup>1)</sup> У Н. Троицкаго въ „воспом. о прот. А. В. Горскимъ. Чт. въ Общ. Люб. Духов. Просв. 81 г. Сент. 437.

<sup>2)</sup> У Н. Троицкаго. „Чт. въ Общ. Л. Д. Пр.“ 1881, стр. 438.

не укроешься никакъ: онъ все увидитъ и способности и познанія студента. Замѣтитъ студента немного слабоватаго или просто даже—робкаго, неузвѣреннаго въ себѣ, онъ послѣ все время не упускаетъ его изъ виду; ласковѣе обращается съ нимъ, помогаетъ ему совѣтами, дѣлится своими знаніями, когда въ томъ нужда. Многихъ студентовъ такимъ путемъ о. ректоръ и отъ гибели спасалъ:—съ теченіемъ времени они выправлялись и кончали въ Академіи курсъ, а послѣ благодарили его. Предъ нами письмо смотрителя одного духовнаго училища, писанное имъ къ А. В.—чу чрезъ годъ по выходѣ изъ Академіи. Вотъ что пишетъ въ немъ бывший студентъ своему бывшему ректору: „безъ предварительной подготовки, съ бѣднымъ запасомъ отрывочныхъ свѣдѣній, безъ навыка къ систематическому труду, попавши въ недоступный для меня храмъ науки, я только здѣсь началъ свое развитіе, я только здѣсь понялъ важность труда и прежде всего долженъ былъ научиться ему. Труды мои не могли имѣть требуемыхъ успѣховъ; плоды могли ограничиться лишь тѣмъ, чего достигалъ бы я своими комнатными занятіями: познанія, выносимыя изъ класса не были приращеніемъ къ пріобрѣтеннымъ уже, а всегда, особенно на первыхъ порахъ, были для меня новымъ богатствомъ, отъ котораго только утомлялась душа, и потому она всегда проявлялась въ робости и смущеніи. Ваша мудрая прозорливость разгадала это и Вы не позволили мнѣ погибнуть. Такъ многократно обласканный Вами, поощряемый, наставляемый, я не палъ духомъ, усугубилъ свои старанія, напрягъ слабыя силы свои, сталъ трудиться; я понялъ, что здѣсь, хотя, къ несчастію, поздно, должно начаться мое правильное образованіе, а для этого нужно пріобрѣсти навыкъ къ правильному, ровному, но постоянному труду и умѣніе заниматься. И теперь сознаю только одно, что всѣмъ, что знаю, что могу, я исключительно обязанъ Академіи. Поэтому понятна моя глубочайшая признательность ей и Вамъ, какъ моему руководителю, благодѣтелю и отцу. Это чувство для меня священно; его долѣю въ своемъ сердцѣ и лишь смерть разлучитъ меня съ нимъ <sup>1)</sup>. Это, надо замѣтить,

<sup>1)</sup> Письмо смотрителя Мировицкаго дух. уч. Нв. Токаревскаго отъ 16 юля 1871 г., въ арх. Горскаго.



писалъ студентъ, занимавшій далеко не первое мѣсто въ разрядномъ списокѣ своихъ товарищей. Но А. В-чъ нерѣдко наблюдалъ и за лучшими студентами Академіи, заставляя ихъ работать. Бывало, придетъ кто изъ перваковъ къ нему за совѣтомъ или пособіемъ, онъ сейчасъ предложитъ ему прочесть и нѣмецкую книжку, и ново-греческую, и сербскую рукопись, писанную глаголицей, изданную со всѣми спеціальными учеными аксессуарами, а иногда порекомендуетъ заглянуть и въ сирійскій текстъ какого либо изданія. Если студентъ не рѣшался взять на себя весь подобный трудъ, отнѣживался, ставилъ на видъ свою неподготовленность,—А. В-чъ начнетъ рекомендовать ему поучиться тому да другому, приговаривая, напр., такъ: „вы не рѣшаетесь потрудиться прочесть этотъ памятникъ, уже обработанный другими, а чего стоило его обработать и такъ издать? <sup>1)</sup> Чувство нѣкотораго стыда порождало невѣдомую прежде охоту и дѣло студентомъ дѣлалось. Въ такомъ направленіи А. В-чъ дѣйствовалъ и на всю массу студентовъ. Соберетъ ихъ гдѣ нибудь, бывало, и толкуетъ имъ, чтобы дорожили своимъ временемъ и больше работали для себя. Что это были за внушенія студентамъ, въ какомъ духѣ они дѣлались, можно судить по слѣдующему отрывку очевидно — рѣчи, обращенной А. В-чемъ къ студентамъ, учѣлѣвшему въ черновыхъ его бумагахъ. „Желая сколько возможно содѣйствовать собственному развитію каждаго и усиѣхамъ духовнаго просвѣщенія, которому Академія должна служить всѣми своими средствами, считаю долгомъ совѣсти предложить Вамъ нѣкоторые совѣты.—Много тратится у насъ времени отъ того, что мы не имѣемъ у себя опредѣленнаго дѣла, никакой въ душѣ сзабочивающей мысли. Готовы заниматься то тѣмъ, то другимъ, и будто бы занимаемся, удѣляя по нѣскольку времени этимъ разнороднымъ занятіямъ, но не сосредоточивая своихъ силъ ни на чемъ опредѣленно, привыкаемъ къ поверхностному обращенію съ наукой.—Хорошо каждому выбрать себѣ вопросъ, разработкѣ котораго посвящалось бы все время, свободное отъ официальныхъ занятій въ классѣ и дома. Пусть будетъ вопросъ богословскій, историческій, философскій и др.,

<sup>1)</sup> Н. Троицкаго Чт. въ Общ. Л. Д. Цр., стр. 441.

только бы принадлежалъ къ кругу предметовъ духовнаго образованія. Знаю, что нѣкоторые такъ и поступаютъ; но не всѣ, даже не многіе. Между тѣмъ, сколько бы могло выйти добра, если бы это сдѣлалось правиломъ для каждаго. Это научало бы дорожить временемъ, дало бы пробу силамъ, усилило бы серьезность умственнаго и нравственнаго направленія, приучило бы, сосредоточивая свои силы на полезномъ трудѣ, достигать чрезъ то большихъ результатовъ, помогло бы приготовленію и развитію у насъ специалистовъ по разнымъ частямъ. Много такихъ примѣровъ, что еще въ школѣ, среди ученическихъ занятій, полагалось начало великихъ трудовъ, впоследствии расширившихъ область науки. Для успѣха въ такомъ самообразованіи Академія могла бы представить особенное удобство. Потому, что здѣсь по каждой наукѣ желающій нашелъ бы въ наставникѣ спеціальнаго руководителя. Академическая бібліотека помогла бы каждому своими большими средствами. — Особенности свѣдѣнія въ той или другой наукѣ и расположеніе ей наиболѣе посвятить свои труды будутъ служить начальству основаніемъ къ опредѣленію такихъ людей на должности, соотвѣтствующія ихъ наклонностямъ и опытности. — Специализируя свои занятія домашнія, не должно однако-же пренебрегать общими классическими уроками. Не должно быть одностороннимъ, особенно когда возрастъ, неопредѣленность наклонностей и др. обстоятельства заставляютъ еще со многими знакомиться. Но какъ въ тѣлѣ при общемъ стремленіи всѣхъ членовъ къ благосостоянію цѣлаго, каждый однако-же развивается по своему: такъ каждый благородный человѣкъ Академическаго общества, благоразумно пользуясь временемъ и стараясь воздать каждому свой урокъ, въ тоже время долженъ на свой спеціальный талантъ приобретать новый талантъ. И универсальность и исключительность — это крайности. Первая почтенна, но удѣлъ немногихъ. И послѣдняя можетъ быть почтенна, когда кто, окончивъ общее образованіе по рѣшительной наклонности посвящаетъ себя одной извѣстной наукѣ "... Этой полуфразой, къ сожалѣнію, и оканчивается черновая записъ рѣчи А. В-ча. Не настаиваемъ крѣпко на томъ, чтобы подобныя наставленія А. В-ча обязательно дѣйствовали на всѣхъ студентовъ; но что для нѣкоторыхъ изъ нихъ—

десятковъ, единицъ,—они не проходили безслѣдно, въ этомъ не сомнѣваемся. Студенты, преимущественно изъ тѣхъ, которые не особенно прилежали книжному ученію, — знали струнку А. В-ча и, бывало, вечеромъ какъ пронесется по номерамъ вѣсть: „папашка идетъ“ всѣ настороживаются, а первокурники кладутъ около себя на видное мѣсто нѣмецкую книжку <sup>1)</sup>. Видѣть потрепанный лексиконъ въ рукахъ студентовъ доставляло истинное наслажденіе А. В-чу и потому онъ всегда оставался доволенъ такими встрѣчами его.—Понуждая студентовъ, больше заниматься надъ книгами, больше читать, А. В-чъ и самъ въ этомъ помогалъ имъ въ классѣ, какъ профессоръ. Здѣсь отъ него студентамъ приходилось слышать то, чего сами они, быть можетъ, никогда бы и не вычитали нигдѣ: лекціи его въ особенности—по русской церковной исторіи были полны *эрудиции*, въ нихъ предлагались дѣйствительныя научныя новости по предмету <sup>2)</sup>. Набивая студенческія головы книжными знаніями, нельзя сказать, чтобы А. В-чъ дѣлалъ это безъ разбору, какъ и чѣмъ попало. Нѣтъ, онъ наблюдалъ за направленіемъ умственнаго развитія студентовъ и его трудъ на пользу этого развитія былъ въ полномъ смыслѣ созидающимъ. Самъ онъ, живо слѣдя за развитіемъ науки въ западно-европейскихъ обществахъ во всѣхъ направленіяхъ, долженъ былъ неизбѣжно изучать и изучалъ и крайнія, столь увлекательныя для многихъ, направленія: но при этомъ онъ сохранилъ въ полной неприкосновенности всю строгость истинно православныхъ церковныхъ убѣжденій, и заботился объ этомъ въ другихъ. Разъ, студентъ, —разсказываютъ, — пришелъ къ нему попросить книжку Гегеля. А. В-чъ сначала не далъ ея; и только на другой день, убѣдившись, должно быть, что просившій студентъ надеженъ, не подумавъ надъ прочитаннымъ не увлечется имъ, позвалъ его къ себѣ и удовлетворилъ его просьбу. Да и сами студенты свидѣтельствуютъ то, говоря о строго-охранительномъ характерѣ его дѣятельности вообще <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Въ Душ. Чт. 1890, III „Изъ студ. дневника“. стр. 276.

<sup>2)</sup> Въ Прав. Обоз. 75, III. „Прот. А. В. Горскій“ 417.

<sup>3)</sup> См. надгробныя слова и рѣчи по А. В-чѣ въ Прав. Обозр. 1875, III.

Ворхомъ всѣхъ заботъ и попеченій А. В — ча, несомнѣнно, было религіозно-правственное воспитаніе вѣрннаго ему юношества. И по Уставу, ректоръ Академіи — высшій наблюдатель за нравственнымъ поведеніемъ студентовъ. Но у А. В — ча не этимъ мотивомъ опредѣлялись заботы о нравственности питомцевъ высшей духовной школы; — онѣ происекали у него изъ другаго болѣе глубокаго и болѣе облагороженнаго источника, чѣмъ одно уставное требованіе, — изъ сознанія важности предназначенія этихъ питомцевъ. Еще Филарету (Гумилевскому) распространялся А. В — чъ на счетъ этой важности и говорилъ, что студенты требуются прямо на высокое служеніе, что отъ нихъ зависятъ образованіе всѣхъ пастырей церкви, и что общество наставниковъ духовныхъ такимъ образомъ выше становится по своему званію каждаго въ своемъ кругу дѣйствующаго священника. Соотвѣтственно такому высокому понятію о цѣли образованія и воспитанія молодыхъ людей въ Академіи у А. В — ча были выработаны и способы къ нему. Въ частности, относительно инспекторскаго надзора за студентами тому же Филарету онъ говорилъ: „назира-телю ихъ, — тому, кому вѣрено смотрѣніе за самою существовавшей стороною въ пастырѣ церкви — нравственно-духовною, нельзя ограничиваться такимъ тѣснымъ кругомъ, въ какомъ они имѣютъ обыкновенно обращеніе. Это свѣтилникъ, которому недовольно того, что онъ издастъ свѣтъ, но нужно, чтобы возжегъ своимъ огнемъ. Поэтому, онъ долженъ имѣть въ виду не простой надзоръ за благопристойностью студентовъ, предупреждать, пресекаать ихъ какіе-либо внѣшніе беспорядки; но провикая до самаго корня всѣхъ беспорядковъ, стараться о переобразованіи вѣранныхъ ему людей нравственнымъ, христіанскомъ <sup>1)</sup>“. Этому началу онъ остался вѣренъ и въ собственной дѣятельности, когда, какъ ректоръ, самъ сталъ заправлять воспитаніемъ студентовъ. — Замѣтивъ за студентомъ проступокъ, А. В — чъ не ограничивался однимъ наказаніемъ за него, часто даже и совсѣмъ не прибѣгалъ къ нему, а, пригласивъ къ себѣ виновнаго, раскрывалъ предъ нимъ всю нравственную неблагопристойность его поступка и только въ заключеніе,

<sup>1)</sup> Дневникъ. Приб. XXXIV, 119.

и то мимоходомъ, касался юридической его стороны. Вотъ одинъ примѣръ къ тому. На четвертомъ году ректорствованія А. В. — ча, какъ то по осени, собралась едва-ли не половина старшихъ и устроила у себя въ номерѣ водочное угощеніе. Къ концу комшанейскаго засѣданія, когда всѣ уже изрядно выпили, одинъ, болѣе рьяный изъ пировавшихъ, позволилъ себѣ рѣзко отозваться о своемъ присутствующемъ товарищѣ. Этотъ, не стерпѣвъ оскорбленія, самъ пустилъ по его адресу нѣсколько словъ, и между ними произошла крупнѣйшая ссора. Другіе свидѣтели этой непріятной исторіи, чтобы такъ или иначе покончить её, вызвались рѣшить дѣло третейскимъ судомъ, но дѣла не рѣшили, а только болѣе осложнили его: приговоренный ими, можетъ быть — въ раздраженіи, пожаловался на нихъ ректору. Вотъ тутъ особенно и сказался А. В. — чъ съ своими началами. Онъ собралъ студентовъ и произнесъ предъ ними цѣлую рѣчь. „Я собралъ васъ, — обращался онъ къ нимъ, по поводу непохвальной исторіи, на прошлой недѣлѣ среди васъ совершившейся. Къ сожалѣнію долженъ замѣтить, что она болѣе или менѣе касается едвали не половины вашего представительства. Какъ прискорбно такое несчастіе. — Начиная съ того, съ чего дѣло началось. Прилично ли учреждать студентамъ въ стѣнахъ Академіи, и гдѣ бы то ни было, водочныя угощенія; и въ особенности тѣмъ, кому ввѣренъ надзоръ надъ другими? Молодые люди позволяютъ себѣ увлекаться подражаніемъ дурнымъ обычаямъ, начинаютъ развивать въ себѣ наклонности, совсѣмъ не требующія ихъ возрастомъ, укоризненные особенно въ духовномъ сословіи. — Это открываетъ случай къ обидѣ товарища грубымъ, неприличнымъ словомъ! При самомъ снисходительномъ изъясненіи этого слова, которое и говорить не принято, больно слышать его, и оно во всякомъ случаѣ показываетъ дурную привычку, можетъ быть наслѣдство бурсы. Не могу не замѣтить къ удовольствію своему, что при всемъ недостаткѣ должнаго вниманія къ словамъ своимъ, когда добрый товарищъ замѣтилъ неприличіе и оскорбительность произнесеннаго слова, виновный не позволилъ себѣ увлечься до самозабвенія, сейчасъ принесъ извиненіе предъ тѣми, кого слово не хотѣло коснуться! Для чего же извиненіе не простерлось далѣе? — Оскорбленный не стер-

пѣлъ. Не вино. Товарищи участники не позаботились смирить поссорившихся: дурно. Сдѣлали еще хуже: не умѣя или не желая сдѣлать добро, дали разгорѣться злу. Перенесли споръ на общее разсужденіе. Кто учредилъ эту инстанцію? Кто далъ право подчинять подсудимаго ея рѣшеніямъ, противъ собственной его воли?—Я понимаю благотворное дѣйствіе благороднаго товарищества: оно могло смирить взаимно размолвившихся, взаимно представить и объяснить обязанности и вину каждаго. Но это возможно для голоса дружбы или тогда, когда та и другая сторона обращаются къ третейскому суду товарищества добровольно. Никому нѣтъ дѣла до частныхъ моихъ личныхъ отношеній, если я не позволяю другимъ касаться ихъ. Тутъ всякое принужденіе становится насиліемъ. Тутъ имѣть права только законная власть.—Коль же скоро товарищество беретъ на себя право этой власти, оно дѣйствуетъ незаконно, самоуправно. Товарищество не полиція, которая имѣетъ право заирать всякаго, — не уголовная палата, которая судить всѣхъ, обвиняемыхъ предъ нею. — Между тѣмъ нашлись между вами не только судьи непривзванные, но и добровольные исполнители приговора... Развѣ такъ должно дѣйствовать товарищество? Такъ ли мы должны жить и дѣйствовать духовные воспитанники? Невѣсте коего духа есте? Беремся мы съ кафедръ поучать духу любви: гдѣ же онъ между нами? Но я раскрылъ вамъ только нравственную сторону этого дѣла. Здѣсь есть еще сторона юридическая. Здѣсь столько допущено нарушеній отъ узаконеннаго порядка, такъ много подлежащаго отвѣтственности, въ различныхъ степеняхъ, что я прихожу въ недоумѣніе. Нѣкоторыя изъ нихъ искупаются дѣлаемымъ теперь общимъ замѣчаніемъ и осужденіемъ; другія требуютъ гораздо большаго взысканія. Я удерживаю у себя донесеніе г. инспектора и буду особенно смотрѣть за тѣми, которые наиболѣе въ этомъ дѣлѣ оказываются виновными, — до окончанія курса, если только Богъ приведетъ окончить курсъ, и всѣмъ заявляю, что при окончаніи курса мы не будемъ слишкомъ снисходительны, какъ въ прошедшемъ курсѣ, раздавая мѣста всѣмъ. Пасѣ тогда вскорѣ стали осаждать извѣстіями о нѣкоторыхъ личностяхъ. Мы постараемся нынѣ избѣжать этого. Припоминаю вамъ примѣръ предше-

ствующаго этому курса, когда нѣсколько человѣкъ было выпущено студентами <sup>1)</sup>“. Думаемъ, такое слово, представившее глазамъ студентовъ ихъ поступокъ во всей его неприглядной наготѣ, сильнѣе подѣйствовало на виновниковъ, чѣмъ какая угодно бы кара за него. Но вся сила, обращеннаго А. В.—чемъ къ студентамъ, слова заключалась, собственно говоря, не въ построеніи его и даже не въ безапелляціонности доводовъ въ немъ, а въ томъ, изъ чьихъ устъ явилось это слово, въ собственной нравственной силѣ того, кто его говорилъ. Говорилъ его любвеобильный отецъ, имѣвшій въ виду благо, и только одно благо, своихъ, Богомъ данныхъ, дѣтей. Это чувствовали студенты, когда сами въ своемъ кругу не иначе звали его, какъ „папаша“.

И дѣйствительно, А. В.—чѣ былъ сущимъ для нихъ „папашей“. Въ его ректорство Академія представляла прелестнѣйшую картину не школы, а скорѣе обширной семьи старшихъ и младшихъ братьевъ во главѣ съ маститымъ отцомъ, веселящимся о дѣтихъ, благоговѣнно любящихъ его. Возьмите его отношенія къ студентамъ,—помимо тѣхъ, которыя вызывались его прямыми ректорскими обязанностями. Какъ были просты эти отношенія. Изъ длиннаго ряда ректоровъ въ Академіи до А. В.—ча кто снисходилъ, напр., до пресстыхъ, дружескихъ бесѣдъ со студентами, и у себя на дому и въ студенческихъ номерахъ. А. В.—чѣ не видѣлъ въ этихъ бесѣдахъ ничего унижающаго достоинства ректора и всегда въ нихъ приближалъ къ себѣ студентовъ. Темы и предметы бесѣдъ со студентами обыкновенно были самаго разнообразнаго свойства: начиная съ простаго — кто ты, откуда и пр., и кончая какимъ-либо богословскимъ или философскимъ положеніемъ. Въ бесѣдахъ о научныхъ матеріяхъ со студентами А. В.—чѣ будилъ молодую мысль, снисходя до диспутацій и, какъ будто, уступокъ имъ. Добромъ поминая старыя времена, одинъ бывшій студентъ, изъ питомцевъ А. В.—ча, пишетъ объ этихъ бесѣдахъ: „теперь, спустя слишкомъ двадцать лѣтъ, перелистывая студенческой бѣдный дневникъ, съ болѣе нежели удивленіемъ читаешь слова, наскоро къ сожалѣнію набросанныя послѣ бесѣдъ съ этимъ пѣстуномъ юношества,

1) Черновая запись рѣчи. Въ арх. Горскаго.

и недоумѣваешь, какую степень снисхожденія къ мало-сильнымъ обладалъ онъ, богатый столь же широкимъ и глубокимъ знаніемъ, какъ и широкою любовію, если молодой студентъ записывалъ въ своемъ дневникѣ, напр., слѣдующее: 27 марта 1869 г. говорили о предполагаемомъ Ватиканскомъ соборѣ. Папаша высказывалъ мысль о возможности въ церкви новыхъ догматовъ, разумѣется при санкціи ихъ вселенскимъ соборомъ. Кстати, когда онъ доказывалъ непогрѣшимость собора, мнѣ казалось это недостаточно доказательнымъ... Долго спорили<sup>1)</sup>. Особенно были теплы, задушевы бесѣды и рѣчи А. В—ча, обращенныя къ студентамъ въ выдающіеся чѣмъ-либо моменты года: предъ началомъ и концомъ учебнаго года, въ Новый годъ, Пасху. Никогда, бывало, не проходили эти сроки безъ того, чтобы А. В—чъ не сказалъ студентамъ нѣсколько назидательныхъ и приличныхъ случаю словъ. Вотъ какъ, напр., начиналъ А. В—чъ свое чтеніе лекцій, по воспоминанію одного изъ бывшихъ студентовъ. „Когда мы,—пишетъ онъ,—въ первый разъ собрались слушать уроки наставника нашего по исторіи церкви (—обычая говорить предъ студентами „вступительныя“ рѣчи А. В—чъ держался всегда и до своего ректорства), то онъ прежде всего обратилъ наше вниманіе на слѣдующее прошеніе великой эктени: „о святѣмъ храмѣ семъ, и съ вѣрою, благоговѣніемъ, и страхомъ Божиимъ входящихъ въ онъ, Господу помолимся“. Одушевленнымъ и увлекательнымъ словомъ своимъ онъ разъяснилъ намъ, какъ должны помнить и исполнять это вступающее въ храмъ богословской науки, съ какою вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ должны они изучать дѣла провидѣнія и благодати Божіей, раскрывающіяся въ исторіи церкви. Слово нашего наставника было сильно, ибо оно сопровождалось самымъ дѣломъ: самъ онъ исполнялъ это наставленіе при своемъ изученіи судебъ Божіихъ въ царствѣ благодати. Это было доброе сѣяніе: прошло двадцать три года, а память объ этомъ

<sup>1)</sup> Душ. Чт. 1891, III. „Изъ студеч. библіотеки“, стр. 283—284.— Въ архивѣ, въ бумагахъ А. В—ча намъ встрѣтилась одна, на которой рукою его было записано: „Студенту Волкову указать ва слова Евстафія противъ тѣхъ, которые признаютъ бездѣйствіе души по смерти“.



сохраняется въ душахъ учениковъ его“ <sup>1)</sup>). Сильный также слѣдъ оставляли въ студентахъ пасхальныя рѣчи А. В—ча— въ приемной ректорской, послѣ службы Свѣтлаго дня при христосованіи. Одинъ изъ бывшихъ студентовъ прекрасно описалъ пасхальное утро въ квартирѣ А. В—ча. Мы приводимъ его здѣсь,—тѣмъ охотнѣе, что сами чувствуемъ всю прелесть изображенной имъ семейно-школьной картины. „Послѣ глубоко-утренняго,—пишетъ онъ,—пасхальнаго богослуженія всѣ студенты собирались въ квартирѣ о. ректора и подъ столѣтними сводами одной изъ ея залъ дружно, громогласно, русски—церковно пѣли древнюю побѣдную пѣснь: „да воскреснетъ Богъ!“... Торжественная всегда и вездѣ, эта пѣснь еще торжественнѣе звучала теперь въ стѣнахъ Академіи, созданной для оплота св. вѣры отъ враговъ св. Креста и Евангелія. Какая торжественная радость сіяла тогда на благообразномъ лицѣ высокосозерцательнаго мужа, предстоящаго въ молитвенномъ словословіи Бога—Спасителя. Невольно воображалось тогда, какъ предъ умственными взорами мужа, историка-прозорливца, вѣдущаго судьбы отжившихъ поколѣній и свѣтомъ Божественнаго откровенія открывающаго отдаленную судьбу современныхъ обществъ, возникали необходимыя скопища враговъ Христа и многочисленныя сонмы исповѣдниковъ и защитниковъ Его достопоклоняемаго Имени, какъ рисовалась будущая судьба современныхъ „овецъ, иже не суть отъ двора“ Его и хищниковъ, стремящихся разсѣять Его вселенское стадо. Видящіе наставника своего среди себя, окрыляемаго его молитвеннымъ духомъ, твердо вѣрившіе въ чистоту его убѣжденій, хранимыхъ христіанскою совѣстію, студенты съ живѣйшимъ чувствомъ вѣры привѣтствовали своего отца ректора православнымъ: „Христосъ воскрес!“ и затѣмъ по одному подходили къ нему, чтобы принять троекратное цѣлованіе“ <sup>2)</sup>).

Особенно симпатична была въ А. В—чѣ другая черта, располагавшая къ нему студентовъ — его чуткость и от-

<sup>1)</sup> Слово въ сороковой день по кончинѣ А. В—ча Д. Θ. Голубинскаго Въ Прав. Обзор. 1875, III.

<sup>2)</sup> Н. Троицкій.—„Воспом. о прот. А. В. Горскомъ“. Чт. въ Общ. Д. Д. Шр. 1881, стр. 437.

звѣчивость на всѣ ихъ невзгоды и нужды. Люди науки, обыкновенно, чѣмъ глубже посвящаютъ себя ея интересамъ, тѣмъ болѣе становятся сухими и недоступными въ области чувства. Съ А. В.—чемъ, замѣчательное дѣло, этого не было. Сами студенты удивлялись, откуда у него была такая воспримчивость къ обстоятельствамъ ихъ жизни <sup>1)</sup>. Бывало, узнаетъ стороной или самъ замѣтитъ на чьемъ лицѣ мрачную скорбь, горе, —призоветъ къ себѣ, поразговоритъ, поразспроситъ, и — свѣтло и отрадно станеть у студента на душѣ <sup>2)</sup>. Также былъ отзывчивъ А. В.—чь и на каждую радость студента. Она становилась его собственной радостью <sup>3)</sup>. Студенты не разъ наблюдали, какъ лицо его просвѣтлялось, появлялась на немъ улыбка и самъ онъ весь оживлялся, когда ему сообщали, напр., о томъ, что болѣвшій отецъ студента выздоравливаетъ, что студентъ, работавшій много надъ своимъ сочиненіемъ получилъ высшую отмѣтку на немъ, что студентъ, которому было некуда отправиться на лѣтнія каникулы, приглашенъ на урокъ и т. п. „Услышитъ онъ объ этомъ, — говоритъ намъ самъ испытавшій на себѣ любовь и ласки А. В.—ча,—и пришлетъ студенту либо просфору, либо книжку какую; вообще, всегда старался такъ или иначе запечатлѣть этотъ моментъ въ душѣ студента“. Безотложно и предупредительно оказывалъ А. В.—чь студентамъ помощь и въ матеріальной ихъ пуждѣ. Приѣдетъ ли чужестранецъ какой въ Академію, поступитъ ли въ псе сирый какой изъ своихъ, — всѣхъ онъ, бывало, пріютитъ, обласкаетъ, ободритъ участливыми разспросами, а то, если нужно, окажетъ и „протекцію“ ему. Намъ самимъ приходилось читать переписку А. В.—ча съ однимъ высокопоставленнымъ въ С.-Петербургѣ лицомъ, котораго онъ проситъ пристроить въ школу какого-то болгарина пріѣхавшаго учиться въ Россію <sup>4)</sup>. Иностранцевъ славянъ А. В.—чь, надо замѣтить, особенно любилъ. Въ 1863 году онъ даже задумалъ было, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Каравеловымъ, устроить для нихъ семинарію

<sup>1)</sup> „Памяти о ректора М. Д. Ак. А. В. Горскаго“. Прав. Обзор. 1875 III., Прил. 24.

<sup>2)</sup> Прав. обзор. 1875, III, Прил. 37.

<sup>3)</sup> „Прот. А. В. Горскій“ Прав. Обзор. 1875, III, 417.

<sup>4)</sup> Въ арх. Горскаго.

въ самой Болгаріи. Былъ ими составленъ уже и проектъ устава для нея <sup>1)</sup>; но ихъ благое намѣреніе, такъ и осталось намѣреніемъ. Студентамъ бѣднымъ А. В.—чь помогаль деньгами. Многіе у него кредитовались и притомъ на довольно значительныя суммы; А. В.—чь не отказываль никому. Въ числѣ разныхъ писемъ, адресованныхъ на его имя, намъ не мало попадалось такихъ, которыя были присланы ему „со вложеніемъ“ и благодарностями, а одно изъ нихъ и сейчасъ подъ руками. Авторъ его, извиняясь предъ А. В.—чемъ въ несвоевременной подачѣ курсоваго сочиненія и объясняя ее, между прочимъ, пишетъ; „очень жалѣю, что до настоящаго времени не имѣлъ возможности возвратить Вамъ съ большою благодарностію, Вашихъ денегъ, которыя, въ продолженіи цѣлаго года вывели бы изъ стѣснительнаго положенія не одного студента <sup>2)</sup>. Съ особенною благодарностію прежніе студенты вспоминають заботливость А. В.—ча объ ихъ больныхъ товарищахъ. Говорятъ,—больнаго онъ окружалъ такимъ нѣжнымъ участіемъ, что родной отецъ и мать увидали бы въ немъ свои родительскія чувства. Никуда такъ часто онъ не ходилъ, какъ въ больницу <sup>3)</sup>. А придетъ, бывало, и—сидитъ у изголовья больнаго, поправляя ему подушку, если тотъ не въ силахъ уже ни говорить, ни дѣйствовать <sup>4)</sup>; или заведетъ съ нимъ какой либо разговоръ, бесѣду. Больные бываютъ иногда капризны; А. В.—чь понималъ и это. Вотъ что пишетъ о себѣ одинъ бывший студентъ, которому приходилось лежать въ академической больницѣ и пользоваться участіемъ къ себѣ А. В.—ча: „Въ концѣ 1868 года вспоминающій теперь бывое настолько разстроился нервами, что легъ въ больницу и отсюда долженъ былъ сдавать экзамень. И нѣкоторыя постороннія интересамъ Академіи обстоятельства, тревожнаго однакожъ характера для студента, и наступившая сдача экзаменовъ въ такомъ положеніи, когда мысль никакъ не могла сосредоточиться на отправленіи прямой

<sup>1)</sup> См., письма къ А. В.—чу К. И. Невоструева отъ 6 марта 1863 и 25 февр. 1865 г., въ арх. Горскаго.

<sup>2)</sup> Письмо къ А. В.—чу препод. Тифлисской семинаріи Н. Цвѣтадзе отъ 21 янв. 1872 г., въ арх. Горскаго.

<sup>3)</sup> Прав. Обозр. 1875, III, прил. 37.

<sup>4)</sup> Пр. Обозр. 75, III, 417.

студенческой обязанности, имѣла слѣдствіемъ немаловажную подавленность духа,—и это не укрылось отъ внимательнаго посѣтителя больничныхъ палатъ. Замѣтивъ и подавленность и вмѣстѣ едва умѣряющуюся высокімъ уваженіемъ къ посѣтителю раздражительность, А. В.—чѣ спросилъ: „что нужно“? И пужно же было случиться тому, что совершенно серьезно и сознательно было больнымъ высказано желаніе, чтобы, напр., палата была пульверизована чѣмъ-либо ароматическимъ. Тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе — напрыскать вездѣ ароматическимъ спиртомъ... Очень понятна болѣзненная и даже дѣтски-капризная причуда студента,—ей не можетъ быть иного названія; но не малымъ, мнѣ кажется, спусхожденіемъ къ ней со стороны такого человѣка, какъ А. В.—чѣ. „Что дѣлаете? чѣмъ развлекаетесь“? — Ничего не могу дѣлать. Бѣмъ самъ себя. Едвали не въ тотъ же самый вечеръ въ больницу отъ ректора присылается на имя студента связка книжекъ... Помню изъ нихъ только нѣкоторыя сочиненія Фонвизина. И это дѣлаеть такой серьезный ученый, какъ протоіерей Горскій<sup>1)</sup>. Смерть студента доставляла А. В.—чу истинное горе. Тутъ особенно и обнаруживалось предъ всѣми, какъ онъ любилъ своихъ учениковъ. Говорять, ручьями лились слезы изъ глазъ старца при прощаніи съ юнымъ покойникомъ. Рыданія отца по безвременно утраченномъ сынѣ слышались среди надгробныхъ рѣчей ого, рѣчей полныхъ высокаго истиннохристіанскаго лиризма<sup>2)</sup>. Самыя похороны студента и тѣ иногда ложились на счетъ А. В.—ча. Въ 1847 году, когда А. В.—чѣ былъ еще только проффессоромъ, въ Москвѣ, въ больницѣ лежалъ и скончался студентъ А. Дроздовъ. А. В.—чѣ не только пріѣхалъ въ Москву навѣстить больного, но и принялъ на себя издержки въ похоронахъ его, когда тотъ умеръ<sup>3)</sup>. Отеческое участіе А. В.—ча въ больныхъ не только цѣнилось студентами, но и слышалось далеко за предѣлами Академіи, въ кругу ихъ родныхъ и знакомыхъ. Доказательства — письма ихъ съ выраженіемъ самыхъ глу-

1) Душ. Чт. 1891, III Изъ студент. дневника“. 280.

2) „Прот. А. В. Горскій“. Пр. Обзор. 1875, III, 418.

3) Письмо А. В.—чу свящ. Моск. Екатеринин. больницы А- вдра Карискаго отъ 30 іюня 1847 г., въ арх. Горскаго.

бокихъ и искреннихъ ему благодарностей. Вотъ одно такое письмо. „Въ стѣнахъ обители Пр. Сергія — говорится въ немъ, — въ Московской Академіи, во главѣ которой стоять съ давнихъ временъ Богъ судилъ Вашему Высокопреподобию, недавно была жертва смерти. Эта жертва, этотъ лежавшій во гробѣ молодой человѣкъ былъ надеждою своей вдовы-старушки матери, чаемою опорой своего старшаго брата, незабвеннымъ братомъ, другомъ и совѣтникомъ моимъ, былъ, наконецъ, общимъ любимцемъ всѣхъ родныхъ и знаемыхъ его. Ваше Высокопреподобіе были свидѣтелемъ болѣзни молодаго человѣка — жертвы смерти; молились съ своими дѣтьми студентами объ упокоеніи студента — сына; проводили усопшаго въ могилу, мѣсто для которой избрали тамъ, гдѣ заботы Ваши не могли бы прекратиться съ минутою погребенія покойнаго, гдѣ друзья усопшаго, видя свѣжую могилу, и послѣ погребенія не забывали бы своего друга. Мало сего, Вы благоволили оставить собѣ на память карточку усопшаго. Все это возлагаетъ на меня обязанность повергнуться къ стопамъ Вашего Высокопреподобія и принести глубочайшую благодарность Вамъ, какъ отъ имени самого усопшаго (съ дерзновеніемъ на что да проститъ мнѣ его скромная память) такъ и отъ имени матушки, отъ имени своего и всѣхъ родныхъ усопшаго“. Это писалъ братъ, умершаго на рукахъ А. В.—ча студента. Человѣкъ посторонній и тотъ отнесся бы къ нему съ полнымъ уваженіемъ за такое радѣніе о больномъ.

Отзываясь всегда на прямыя нужды студентовъ, А. В.—чъ понималъ и другія потребности ихъ, которыя хотя и не имѣли за собою настоятельности, но въ возрастѣ студентовъ были неизбѣжны — напр., потребность въ развлеченіи, — и готовъ былъ помочь и въ нихъ. Въ ректорство А. В.—ча въ Академіи впервые начали устраиваться литературные и вокальные вечера. Самъ онъ былъ такого взгляда на нихъ: „на лекціяхъ студенты являются только пріемлющими; интересы лекцій болѣе умозрительные. На чтеніяхъ студенты участвуютъ самодѣятельно, и хотя чужими словами, но могутъ высказывать свои чувства. Интересы чтеній могутъ быть разнообразны, не вопреки доброму направленію, которое должно отмѣчать будущихъ служителей алтаря“. Объ этомъ болѣе всего и заботился А. В.—чъ. Студентамъ

больше по вкусу приходились комическія статьи <sup>1)</sup>; ими они и наполняли программы своихъ литературныхъ вечеровъ. Такое одностороннее направленіе этихъ вечеровъ не могло нравиться А. В—чу, и онъ, явившись однажды на студенческое собраніе <sup>2)</sup>, горячо говорилъ противъ какой-то только что прочитанной на немъ статьи: „не должно быть исключительною цѣлю (чтеній)—зубоскальство. Не надобно давать господства одной партіи (студентовъ, которая стояла за комическаго содержанія статьи) и заставлять всѣхъ ей подчиняться. Говорятъ: развиваетъ талантъ—говорить одному за десятерыхъ? Хорошо въ театрѣ: но къ чему онъ полезенъ у насъ? Какое приложеніе къ проповѣднической дѣятельности? Есть еще талантъ говорить на языкахъ животныхъ, лаять по собачьи, мяукать, пѣть и издавать птичьи звуки—ужели и это надобно развивать въ духовной Академіи?—Есть статьи одуряющаго свойства (напр., Помяловскаго), гдѣ не встрѣтишь ни одной одушевляющей мысли и чувства, выставляется наружу только пошлое, низкое, надъ чѣмъ не смѣяться, а плакать надлежало бы, если бы на самомъ дѣлѣ все было такъ безотрадно, глупо, низко, подло. Ужели поддерживать и къ этому вкусъ?—Нѣтъ, литературныя чтенія не должны быть такъ низко поставлены. Они должны выказывать и поддерживать болѣе благородныя стремленія, должны помогать нравственному самовоспитанію юношества. Они не должны быть обязательны ни для кого, но надобно стараться, чтобы различные умственные и нравственные интересы находили себѣ въ нихъ удовлетвореніе, сами собою привлекали благовоспитанныхъ. Элементъ комическій или сатирический не долженъ быть исключенъ, но никакъ не долженъ господствовать. Разсказы допускаются, но не исключаются и отрывки изъ духовныхъ твореній. *Пусть покажетъ себя талантливый проповѣдникъ и оживитъ эту часть, существенно и исключительно на насъ лежащую.* Пусть выступитъ и живой, поэтически настроенный юноша и дастъ почувствовать всю силу и достоинство какого-нибудь благороднаго стихотворенія. Пошлость, грязь—вонь, безъ того

<sup>1)</sup> См. Дневникъ А. В—ча. Приб. XXXV, 235, 237.

<sup>2)</sup> Дневникъ А. В—ча. Приб. XXXV, 237.

ихъ много на свѣтѣ. Пѣніе церковнаго хора пусть умиротворяетъ душу, низводя на нее духъ умиленія: но и торжественнымъ моментамъ есть мѣсто, они возвышаютъ душу, исторгая ее изъ бразды обычнаго порядка. Не воспрещаются и національныя пѣснопѣнія, но съ надлежащимъ выборомъ. Всякое чистое выраженіе глубокаго чувства, не противное требованіямъ нравственности и общественнаго порядка, можетъ быть допущено. Пусть на основаніи этихъ началъ составляется для каждаго чтенія своя программа, и заблаговременно представляется на разсмотрѣніе о. Инспектора, и если будетъ одобрена, сдается къ исполненію.—Если не будетъ стѣснительно, приду и я, придетъ и кто вибудъ изъ наставниковъ, посидитъ сколько кому можно, сколько захочется, не въ видахъ полицейскаго надзора: потому что довѣряемъ добросовѣстности исполнителей, а для того, чтобы самимъ принять участіе въ общемъ удовольствіи. Вообще, одни могутъ оставаться долѣе, другіе менѣе—какъ кому угодно. Здѣсь обращеніе безъ чиновъ <sup>1)</sup>).

Послѣднія слова А. В.—ча относительно его довѣрія къ студентамъ заставили бы, пожалуй, иныхъ, кто не имѣлъ съ А. В.—чемъ никакого дѣла, заподозрить въ нихъ что-нибудь неладное и понять, какъ скрытую западню говорящаго съ ними начальства. Но ученики А. В.—ча достаточно уже знали своего отца ректора: довѣріе къ студентамъ, дѣйствительно, составляло у него главную основу отношеній къ нимъ. Полагаясь на студентовъ, онъ иногда даже, какъ говорится, черезъ край переливалъ и тѣмъ подавалъ имъ поводъ злоупотреблять своею довѣрчивостію. Прежніе студенты сами рассказывали намъ, какъ нѣкоторые изъ ихъ товарищей, провинившіеся въ чемъ-нибудь предъ А. В.—чемъ, шли къ нему, притворно распускали слезы и потомъ, получивъ прощеніе, со смѣхомъ передавали въ своемъ номерѣ, какъ имъ пришлось обмануть и провести своего отца ректора. А. В.—чь вѣрилъ въ благородство юношеской души, въ искренность и чистоту ея стремленій. Вотъ примѣръ къ тому. Въ 1873 году въ южныхъ нашихъ губерніяхъ, вслѣдствіе недорода хлѣба: былъ голодъ. Сочувствуя всею душой людскому несчастію, А. В.—чь хо-

<sup>1)</sup> Рѣчь эта въ чернов. видѣ хранится въ арх. Горскаго.

тѣль привлечь къ благотворительности и своихъ студентовъ. 5-го декабря, съ этою цѣлю, онъ разослалъ по студенческимъ комнатамъ приглашеніе „добрымъ внимательнымъ слушателямъ слова Христова“ такого содержанія: „вопли страждущихъ и гибнущихъ отъ голода поселянъ и нашей братіи духовныхъ лицъ съ ихъ семействами въ Самарской губерніи давно уже раздаются по Россіи,—и еще не близки надежды на удовлетвореніе нуждающихся въ насущномъ хлѣбѣ плодотвореніями земли, если Господь благословитъ.—Доброму христіанину не пужно много словъ, чтобы склонить его къ посильной помощи безпомощнымъ. Сердце его слышитъ и знаетъ, кто въ лицѣ нуждающихся его братій взываютъ: „вззлкахся“.—Можетъ быть, кто-нибудь или запоздалъ исполненіемъ сердечнаго желанія оказать эту помощь, или затрудняется и совѣстится послать малое.—Предлагаю свое посредство. Соберемъ что можемъ, и пошлемъ вмѣстѣ, не стѣсняясь никакими мелочными представленіями. Апостольскій насъ успокоиваетъ: „усердіе принимается смотря потому, кто что имѣетъ, а не потому, что не имѣетъ“.—Въ заключеніе да будетъ мнѣ позволено обратиться къ просвѣщенному въ духѣ Христовомъ юношеству и сіе возбуждающее слово Апостола, не постыдившагося принять на себя собирать милостыни на іерусалимскихъ бѣдныхъ: „какъ вы изобилуете всемъ: вѣрою, и словомъ, и познаніемъ, и всякимъ усердіемъ, и любовію, такъ изобилуйте и сею добродѣтелию“ (2 Кор. 8. 8) <sup>1)</sup>. А. В.—чѣ разумѣется, очень хорошо зналъ, что тѣ, къ кому онъ обращался, сами воспитываются на чужія средства, и однако—приглашалъ ихъ. Въ этомъ случаѣ надо быть глубоко увѣреннымъ въ добротѣ и отзывчивости человѣческаго сердца чтобы взывать къ нему о помощи. А. В.—чѣ былъ увѣренъ и рѣдко обманывался въ своей вѣрѣ. Студенты сами открывали предъ нимъ свою душу и не боялись за свою откровенность, чего бы она ни касалась,—взглядовъ, убѣжденій, состоянія духа, внѣшнихъ обстоятельствъ: знали что отъ этого кромѣ добра имъ ничего не будетъ. Неудивительно поэтому, если они и такъ писали иной разъ своему отцу ректору: „безъ предварительныхъ извиненій обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой: помочь мнѣ

<sup>1)</sup> Воззваніе это—въ арх. Горскаго.



Вашимъ мудрымъ совѣтомъ. Просьба моя такого рода: держать ли мнѣ экзаменъ, или прямо безъ экзамена остаться на третьемъ курсѣ? Я не слушалъ по своей спеціальности ни одного предмета. Какъ же послѣ этого я буду держать экзаменъ? Придется краснѣть предъ каждымъ экзаменующимъ. И если, снисходя моею болѣзнію, будутъ ставить мнѣ спосные баллы, не будетъ ли тогда мой переходъ на четвертый курсъ *christi causa*? Потомъ, какъ я могу выбирать предметъ для занятія на четвертомъ курсѣ, когда я не слушалъ почти половины предметовъ? Ваше Высокопреподобіе! есчастливьте меня хоть тремя строчками Вашего отвѣта на мои тревожные вопросы. Я буду Вамъ очень, очень благодаренъ <sup>1)</sup>. Или такъ: „соблаговолите Высокопреподобнѣйшій о. ректоръ, милостивѣйшій второй отецъ и единственный благодѣтель, помочь моему горю, какъ и чѣмъ благоугодно Вамъ будетъ. Вино совсѣмъ бросилъ пить, да и смотрѣть на него что-то ужъ не хочется, ей, ей! говорю предъ Вами, какъ передъ Богомъ“. А. В — чѣ всѣмъ помогаль, все покрываль своєю снисходительностью, но только въ томъ случаѣ, когда студентъ сознавалъ свою слабость. Людей, которые въ минуту откровенности съ ректоромъ проговаривались предъ нимъ о какихъ либо своихъ грѣхахъ, безъ искренняго сожалѣнія о нихъ, которые иногда, пожалуй, хвастались ими предъ нимъ или лгали ему, онъ терпѣть не могъ; считаль ихъ вредными въ обществѣ въ какомъ бы то ни было, держаль ихъ всегда у себя на виду и старался исправить ихъ или удаляль изъ Академіи, — впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ и то со слезами на глазахъ. У насъ въ рукахъ тетрадь А. В — ча, собственнаго его изготовленія, съ фамиліями студентовъ на бѣлыхъ листахъ. Вотъ что записано въ ней противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Извѣковъ Дм. 1864 г. сент. 18. Первый у меня репортъ по дежурству, и первая жалоба на столовую: пирожки малы; супъ картофельный не хорошъ. Супъ оказался на пробу вкуснымъ“. — „Корольковъ Дм. 1864 сент. 15. При разговорѣ по дежурству высказаль желаніе заниматься преимущественно по Русской ц. исторіи,

<sup>1)</sup> Письмо А. В—чу студ. А. Спасскаго отъ 3 мар. 1873 г., въ арх. Горскаго.

а о занятіяхъ Писаніемъ выразился очень неразумительно: („мораль“).—Я взялъ съ него слово устроить порядокъ въ чтеніи Писанія съ толкованіемъ“. — „Крутиковъ Ник. 1864 г. сент. 21. Было длинное разсужденіе о повиновеніи власти, вопреки либеральнымъ теоріямъ. К—въ высказываль желаніе, чтобы начальникъ всегда объяснялъ причину, почему онъ такъ или иначе распоряжается, чтобы начальникъ правственнымъ характеромъ своимъ и вліяніемъ заслужилъ себѣ повиновеніе. Я высказалъ, что это желательно, но не всегда бываетъ удобно сего достигать: между тѣмъ долгъ повиновенія требуется во всякомъ законномъ дѣлѣ“. — „Тороповъ Конст. 1864 сент. 19. Проповѣдь пустая; поспѣшно написана. Указываетъ на „обиды отъ начальствующихъ“, говорится объ учрежденіи раздѣла имуществъ между всѣми по примѣру церкви іерусалимской.—Сказывать не дозволено <sup>1)</sup>. Довѣрчивость студентовъ, къ чему бы она тамъ ни вела, всетаки много упрощала для А. В—ча ректорское дѣло.

На первыхъ порахъ, когда онъ вступилъ въ должность, разумѣется, не все то шло такъ мирно, хорошо. Не привыкли студенты къ нему, и онъ не умѣлъ обращаться съ ними. Какъ только ушелъ его предшественникъ, они сейчасъ налегли на новаго ректора съ заявленіями своихъ неудовольствій и съ различными требованіями отъ него: хотѣли воспользоваться его неопытностью и извлечь изъ нея выгоды себѣ. Новый ректоръ горячился, выходилъ изъ себя, все дѣло повелъ круто: очевидно—тоже не выработалъ надлежащаго такта для себя <sup>2)</sup>. Отсюда первоначально и пошли разные недобрые слухи про него: „будто съ новою администраціею порядки въ Академіи пошли хуже; студенты не довольны разными ненужными стѣсненіями; будто даже шпіонство и доносы нашли для себя благоприятную почву; невинныя или, по маѣнью людей прогресса, даже очень полезныя занятія и развлеченія студенческаго круга преслѣдуются и т. п. <sup>3)</sup>. Съ теченіемъ времени это

<sup>1)</sup> Тетрадь хранится въ арх. Горскаго

<sup>2)</sup> См. Дневникъ А. В — ча. 1862. Окт. 1864. Сент. Приб. XXXV 230—246.

<sup>3)</sup> Письмо А. В — чу Н. К. Соколова отъ 30 янв. 1863, въ арх. Горскаго.

все исправилось, улеглось: благодумствовали и студенты подъ ректорствомъ А. В—ча, и самъ онъ былъ спокоенъ. Тѣ, которымъ при немъ привелось учиться въ Академіи, говорятъ, что онъ за всемъ слѣдилъ, что дѣлалось среди нихъ; но слѣдилъ всегда тихо и незамѣтно. „Каждый зналъ,—высказывалъ откровенно одинъ изъ студентовъ въ своей надробной рѣчи по А. В—чѣ,—что все дѣлалось въ насъ отъ его имени, всякій ощущалъ на себѣ его всепроникающую силу, чувствовали себя въ его незримомъ присутствіи и никто не тяготился излишествомъ дозора“<sup>1)</sup>. Ученики его соорудили ему памятникъ надъ могилой. Если бы они и не сдѣлали этого,—доброе имя его все равно бы вѣчно жило въ Академіи: студенты одинъ другому, поколѣніе ихъ поколѣнію, стали бы передавать, что въ Академіи когда то былъ добрый ректоръ—А. В. Горскій.

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

*С. Поповъ.*

---

<sup>1)</sup> Иванъ Соколовъ. Прав. Обозр. 1875, III. Прилож. 38.